

Все началось с того, что сериал прошел постпродакшн, но получить разрешение на трансляцию никак не удавалось. Режиссер обивал пороги, раздавал подарки, устраивал приемы и с огромным трудом вытянул из чиновника ведомства радио и телевидения лишь одну фразу: кто-то влиятельный блокирует проект, так что на выход в эфир рассчитывать не стоит.

Режиссер, разумеется, не смирился. Он сам писал сценарий, сам снимал, вложил в работу всю душу, а сериал не затрагивал никаких острых тем. Как же он мог спокойно смотреть, как его детище гибнет в зародыше?

Он снова отправился наверх, чтобы докопаться до истины, но в ответ получал либо невнятное мычание, либо уклончивые фразы. В конце концов, он понял: кто-то намеренно ставит ему палки в колеса. Какая низость!

Он долго размышлял и осознал, что с начала съемок перешел дорогу лишь одному человеку — Чжан Вэйдуну.

Режиссер заскрежетал зубами от ненависти. Он был своим человеком в этой индустрии, разузнать график Чжан Вэйдуна не составляло труда, поэтому он и спланировал акцию с краской. Он хотел не только опозорить Чжан Вэйдуна на публике, но и, выскочив вперед, обвинить того в аморальном поведении. Словом, он собирался сорвать маску с этого подлеца и сделать так, чтобы тот больше не смог здесь работать!

Столько унижений, столько беготни — и все из-за козней Чжан Вэйдуна. Последствия его уже не волновали: старые счеты, новая обида — он знал лишь одно: он обязан выплеснуть эту злость!

Сяо Цзюньгу в черном пальто с высоким воротником, черных брюках и туфлях, засунув руки в карманы, широкими шагами направлялся к гримерке. Как только он получил известие о случившемся с Чжан Вэйдуном, он немедленно прервал совещание, проскочил на красный свет два светофора и примчался за кулисы площадки.

Сяо Ба, дежуривший у двери, при виде него просиял, но тут же отступил на полшага. Сяо Цзюньгу шел прямо на него, решительной походкой; хоть на лице его не дрогнул ни один мускул, чувствовалось, что от него исходит ледяная ярость.

У Сяо Ба возникло странное ощущение, будто Сяо Цзюньгу собрался идти с кем-то на смертный бой.

— Господин Сяо, Дун-гэ внутри, — пробормотал Сяо Ба. — Он выгнал меня и еще...

Сяо Цзюньгу прошел мимо, ворвался в гримерку и с грохотом захлопнул дверь, даже не взглянув на парня.

Чжан Вэйдун сидел перед ярко освещенным зеркалом, опустив веки, аккуратно сложив руки на коленях. На столике перед ним дымился окурок, длинный пепел от которого осыпался, когда хлопнула дверь.

Чжан Вэйдун уже переоделся, но на лице, ушах, шее и волосах все еще оставалась краска: где-то пятнами, где-то мелкими брызгами. Выглядел он невыразимо жалко. Сяо Цзюньгу внимательно присмотрелся: краска не попала в глаза, и он почувствовал, как внутри отлегло.

Сяо Цзюньгу остановился у него за спиной, глядя в отражение, и лишь спустя долгое время произнес:

— Дун-цзы...

Голос его дрогнул, и он замолчал. Сяо Цзюньгу наклонился, поднял с пола бутылку с растворителем, нашел ватные диски, подтянул стул и сел рядом с Чжан Вэйдуном. Он бережно взял его правую руку и принялся аккуратно стирать краску с тыльной стороны ладони.

Растворитель отлично справлялся с краской, но сильно раздражал кожу. Сяо Цзюньгу боялся лить много и тереть слишком сильно, но комната наполнилась едким запахом, от которого у него защипало глаза и заныло в носу.

Он извел больше половины пачки ваты, прежде чем очистил руку, да и то не до конца: на коже остались красные следы — неглубокие, но до боли неприятные. Он поднес руку Чжан Вэйдуна к губам, закрыл глаза и легонько поцеловал ее.

Чжан Вэйдун все так же сидел с опущенными веками, не выражая никаких эмоций — он не знал, что именно должен чувствовать.

В данный момент он все еще испытывал отвращение к Сяо Цзюньгу, но понимал, что не может его прогнать. В груди теснилось столько чувств, но желания высказаться не было — позор, унижение, невыносимый стыд — все это касалось только его самого, а не Сяо Цзюньгу.

Помимо боли, в глубине души точил один вопрос: он ведь просто хотел петь, почему же это так сложно?

Действительно, слишком сложно. Два года бесконечных разочарований вымотали его до предела.

Сяо Цзюньгу велел Сяо Ба принести еще ваты и растворителя, и в итоге очистил тело Чжан Вэйдуна от краски. Но волосы отмыть не удалось, и он, взяв ножницы, коротко остриг их за ушами.

Затем он снял свое пальто, укутал в него Чжан Вэйдуна, поднял его и силой увез к себе домой.

Уложив Чжан Вэйдуну в постель, Сяо Цзюньгу снял с него обувь, достал из ящика две таблетки успокоительного и поднес к его губам, тихо сказав:

— Дун-цзы, ни о чем не думай, просто поспи.

Чжан Вэйдун взглянул на него без всякого выражения, взял таблетки, сунул в рот и проглотил, запив слюной.

Вскоре голова Чжан Вэйдуну склонилась, тело обмякло, и он провалился в беспокойный сон.

Сяо Цзюньгу поправил его, чтобы он лежал на спине, опустился на колени у кровати и, наклонившись, коснулся его лица. Он прекрасно знал, насколько сильна гордость Чжан Вэйдуну, что в нем нет ни одной косточки, которая могла бы прогнуться. Такие люди не приспособлены к реальной жизни, а тем более к шоу-бизнесу, они даже не умеют выстраивать сложные человеческие отношения.

Поэтому Чжан Вэйдун всегда оставался самим собой.

А Сяо Цзюньгу не мог позволить никому причинить ему вред, даже самому Чжан Вэйдуну.

Спустя несколько десятков минут Сяо Цзюньгу вернулся в офис. Он стремительно прошел по коридору, не замечая подчиненных, которые почтительно кивали ему.

Обойдя стол, он сел в кресло. Мужчина, сидевший на диване, тут же вскочил и поклонился. Сяо Цзюньгу бросил на него равнодушный взгляд, закурил, постукивая пальцами по столешнице из красного дерева.

Это был тот самый режиссер. Он сказал:

— Господин Сяо, благодарю вас за то, что внесли за меня залог. Я в неоплатном долгу.

— Не стоит, — Сяо Цзюньгу слегка кивнул и усмехнулся: — Это я должен тебя поблагодарить.

Мужчина опешил и зачастил:

— Что вы, что вы, не стоит таких слов.

Он знал, что Сяо Цзюньгу — владелец инвестиционной компании, но не догадывался о его связи с Чжан Вэйдуну. У Чжан Вэйдуну действительно был покровитель, но явно недостаточно влиятельный, иначе он давно бы уже играл главные роли, а не перебивался эпизодами.

Если рассуждать логически, так оно и было: Чжан Вэйдун — актер третьего сорта, слово звезда

к нему едва ли применимо.

— Разрешение на трансляцию никак не дают, что планируешь делать? — спросил Сяо Цзюньгу.

Режиссер, видя, что Сяо Цзюньгу не предложил ему сесть, остался стоять:

— Я уже придумал план. Пока шум не утих, нужно срочно созвать пресс-конференцию. Все стрелки переведем на Чжан Вэйдуна, и под давлением общественности лицензию точно дадут. Мало того, воспользуемся этим поводом для пиара, создадим шумиху. Не волнуйтесь, я гарантирую, что сериал станет хитом.

Сяо Цзюньгу хмыкнул:

— Отличный план. Ты и правда умен.

Режиссер обрадовался:

— Вы перехвалили меня, господин Сяо. Вы так поддерживаете мою работу, я просто обязан сделать что-то стоящее в ответ.

Сяо Цзюньгу смотрел на его угодливую, самодовольную физиономию, затушил сигарету и искренне сказал:

— Ты действительно отлично справился.

Режиссер увидел, что Сяо Цзюньгу встал и подошел к краю стола, и поспешно повернулся к нему, протягивая руку.

Сяо Цзюньгу не пожал ее, а с силой ударил ногой в живот.

Режиссер кубарем отлетел в сторону, обхватив живот, и не мог ни сообразить, что происходит, ни подняться. Лицо его выражало полное замешательство.

Сяо Цзюньгу в одно мгновение стал другим. С мрачным лицом, не говоря ни слова, он начал методично бить его ногами. Он бил прицельно, только по корпусу и бедрам, не задевая открытых участков кожи. Режиссер истошно вопил, но звукоизоляция в кабинете была отличной, и никто в коридоре не услышал ни звука.

Это был второй раз за последнее время, когда режиссер получил взбучку, и на этот раз куда жестче. Каждый удар приходился прямо в плоть. Он попытался отползти к двери, но Сяо Цзюньгу с силой наступил ему на спину, и от боли у него потемнело в глазах.

Режиссер понимал, что что-то идет не так, но ситуация не позволяла мыслить здраво — казалось, еще немного, и кишки вылезут наружу!

Очередной удар пришелся в солнечное сплетение. Режиссер не мог даже взмолиться о пощаде. Он свернулся калачиком на ковре, беззвучно содрогаясь — каждый удар Сяо Цзюньгу отзывался глухим стоном.

Когда Сяо Цзюньгу наконец остановился, режиссер лежал полуживой, едва дыша.

Сяо Цзюньгу выдохнул, отряхнул ноги, наклонился, помог ему подняться и вежливо произнес:

— Режиссер Ван, давайте обсудим пресс-конференцию. Присаживайтесь.

Режиссера с силой втолкнули в кресло. Его трясло от боли и ужаса.

Они никогда не встречались раньше, и теперь, получив такую порцию побоев, он даже будучи дураком понял бы, что дело в краске. С влиянием Сяо Цзюньгу в медиасфере уничтожить карьеру режиссера было проще простого, даже не пачкая рук.

Он понял, что попал. Попал по-крупному.

Чжан Вэйдун постригся под машинку, отчего его черты лица стали резче, а сам он — суровее.

Сяо Цзюньгу сидел рядом, закинув ногу на ногу, и снова потянулся погладить его по голове, чувствуя под ладонью колючий ежик волос. Чжан Вэйдун наклонил голову и отмахнулся:

— Босс, сегодня не пятница.

— Не называй меня боссом, — привычно ответил Сяо Цзюньгу, взглянул на часы и взял пульт, переключая каналы. — Посиди еще, я тебя не съем.

— Зато от тебя тошнит, — ответил Чжан Вэйдун.

Оба замолчали, уставившись в экран.

Развлекательные новости транслировали пресс-конференцию: режиссер со слезами на глазах каялся, что из-за стресса на работе у него случился нервный срыв, приведший к непоправимому поступку. Затем он встал и под вспышками камер глубоко поклонился, еще раз извинившись перед пострадавшим.

Поскольку вопросов не предполагалось, сотрудники увели его со сцены.

Чжан Вэйдун молчал, холодно взглянув на Сяо Цзюньгу в ожидании продолжения.

— Завтра компания созывает пресс-конференцию и для тебя, — сказал Сяо Цзюньгу. — Ты знаешь, что нужно говорить.

Чжан Вэйдун усмехнулся:

— Знаю, босс. Я должен проявить великодушие и благородно простить человека. У тебя талант, жаль, что ты не сценарист. Все уже расписал, что мне еще остается сказать?

Сяо Цзюньгу беспомощно покачал головой:

— Дун-цзы, в любом кругу есть свои правила. Нравится тебе это или нет, ты должен их принять, если хочешь продолжать играть.

Чжан Вэйдун промолчал. Слово играть, слетевшее с уст Сяо Цзюньгу, вызвало у него отвращение. Кто вообще устанавливает эти правила игры? Он не хотел спорить о правильном и неправильном, потому что отлично знал натуру Сяо Цзюньгу и считал, что это его не касается. Он прямо спросил:

— Это ты приложил руку к тому, что сериал не проходит цензуру?

Сяо Цзюньгу признался:

— Да. Сначала хотел потянуть время, чтобы они понервничали, но теперь...

— Ты очень темный человек, — перебил его Чжан Вэйдун. Он встал с дивана, не желая оставаться здесь ни секунды, и, уходя, бросил: — Босс, побереги свои грязные игры. Если сериал не пройдет проверку, завтра на конференции я не ручаюсь за свой язык.

Чжан Вэйдун тяжело захлопнул дверь и ушел, не оглядываясь.

Для него этот сериал, хороший или плохой, был произведением, плодом усилий всей команды. Его нельзя было просто так вычеркнуть из-за чьего-то каприза.

Диван стал просторным. Сяо Цзюньгу откинулся назад, подперев щеку рукой:

— Ха, темный...

Он прокручивал в голове это слово, и в конце концов горько усмехнулся.

Рождество прошло, и не успели оглянуться, как настал Новый год.

История с краской была закончена. Что бы ни гадала публика, обе стороны примирились.

После этого популярность Чжан Вэйдунa немного выросла, по крайней мере, о нем узнали. Но по сути ничего не изменилось: в шоу-бизнесе, полном талантов, он оставался второсортным артистом, у которого не было ни одной по-настоящему знаковой роли.

Иными словами, в глазах окружающих он был бездарностью, и его популярность — лишь пустой звук. Даже само имя Чжан Вэйдун не ассоциировалось ни с кино, ни с музыкой, ни с театром. Единственное, что всплывало в памяти — это ярко-красная краска.

Смешно и печально.

На одном из шоу ведущий подколот его:

— А какой краска на вкус?

Хотя это был вкус унижения, Чжан Вэйдун заставил себя улыбнуться:

— Примерно как соус для салата.

Ведущий хотел спросить еще что-то, но, взглянув на яростный взгляд Чжан Вэйдунa, осекся.

Тридцать первое декабря, канун Нового года. У Чжан Вэйдунa не было запланировано никаких съемок.

Но на душе было тяжело. Невидимое давление едва позволяло ему разогнуться. Он предпочел бы быть до смерти занятым, чем вот так бездумно сидеть в четырех стенах.

Чжан Вэйдун стоял у панорамного окна в отеле Лонг-Айленд, глядя на салют. Разноцветные огни расцветивали небо, один за другим взмывали вверх, рассыпались, гасли... Ослепительное зрелище.

Он прислонился рукой к холодному стеклу и закрыл глаза — не мог больше смотреть. Чем ярче был этот праздник, тем мрачнее казалась его собственная жизнь.

Сяо Цзюньгу подошел сзади, обнял его, развязал пояс халата, легонько укусил за шею и провел языком по коже.

Холод проникал в каждую пору. Чжан Вэйдун стиснул зубы, сердце колотилось, как бешеное. Ему стало нехорошо, словно он упал в сточную канаву. С тех пор как Сяо Цзюньгу в прошлый раз кончил в него, его состояние ухудшилось, и близость стала невыносимой.

Сяо Цзюньгу, поглаживая его по спине, прохрипел от страсти:

— Расслабься, твое тело слишком напряжено.

Чжан Вэйдун задрожал:

— Нет! Не надо, я не могу!

Сяо Цзюньгу помрачнел. Он прижал его к стеклу, надел презерватив и, придерживая свой орган, медленно вошел в него:

— Дун-цзы, ты должен привыкнуть. Твое сопротивление лишь усиливает боль.

Чжан Вэйдун яростно замотал головой:

— Как я могу привыкнуть к тому, что меня насилует животное!

— Мне плевать, человек я или животное. В этом мире нет ничего, к чему нельзя было бы привыкнуть. Ты лишь зря тратишь силы, сопротивляясь. Я не трогал тебя целый месяц, дал достаточно времени, чтобы ты пришел в себя.

Картины прошлой ночи, когда его связали и изнасиловали, всплыли в памяти. Чжан Вэйдун застыл, лицо его стало серым.

Сяо Цзюньгу сжал его талию и, войдя полностью, начал ритмичные толчки. Шлепки эхом разносились по комнате.

Он грубо брал его, но разум не был затуманен удовольствием. Глядя на их отражение в стекле, он видел, как Чжан Вэйдун сжимает веки, беззвучно шевеля губами. Сяо Цзюньгу вошел глубже и, прикусив его ухо, спросил:

— М? Что ты там шепчешь?

Чжан Вэйдун чувствовал, как его пронзают насквозь, и не мог не ответить:

— Текст песни учу...

Сяо Цзюньгу замер, а затем засмеялся:

— Хорошо, ты умеешь делать два дела сразу.

В глазах его не было ни капли веселья. Он сильно укусил его за плечо и добавил:

— Если не можешь сосредоточиться, я не против сменить способ на более жесткий. Например, подвешу тебя и буду играть всю ночь напролет.

Чжан Вэйдун изо всех сил ударил по стеклу:

— Сяо Цзюньгу, ты, черт возьми, перегибаешь палку!

— Это не я давяю, это ты не хочешь отпустить себя.

Сяо Цзюньгу взглянул в окно, зажмурился, вышел из него и молча направился в ванную.

Чжан Вэйдун еще никогда не чувствовал такой усталости. Он держался за стекло, чтобы не рухнуть на пол. За окном все так же бушевал салют — казалось, протяни руку, и коснешься, но к нему это не имело никакого отношения.

В этот великий праздник стекло разделило мир на две части.

Обычно конец года — самая горячая пора. Новый год пролетел, и вот уже годовщина основания компании.

В последние годы дела компании шли в гору, сфера деятельности расширялась: медиа, менеджмент, PR, звукозапись, кино и развлечения — она стала лидером индустрии.

Празднование проходило в банкетном зале отеля Шангри-Ла. Присутствовали все артисты и руководство.

Шоу-бизнес — это крайности. Есть те, кого любит Бог, — любимцы публики, на которых всегда направлены софиты, чьи имена всегда на слуху. Например, она.

Чжао Юй появилась, и ее тут же окружила толпа.

Она была главной звездой компании, с чистым образом и блестящим актерским талантом. Сейчас она снималась в крупном совместном корейско-китайском проекте и специально прилетела из Кореи на праздник. Чжао Юй была в индустрии уже много лет, но выглядела на двадцать с небольшим. Она всегда держала себя в руках и никогда не строила карьеру на скандалах. Единственным человеком, с которым ей приписывали роман, был Сяо Цзюньгу.

Чжан Вэйдун тоже был там. Он не стал наряжаться, как того требовал агент, и пришел в светло-синих джинсах и кожаной куртке, совершенно не вписываясь в торжественную атмосферу. Он давно заметил Чжао Юй и, как и все, невольно поддался ее обаянию. Но он не стал подходить, чтобы поздороваться или поболтать. Он привык быть один. За два года в компании он не завел ни одного друга среди коллег.

Он нашел укромный уголок, взял коктейль и со стороны наблюдал за этим праздником жизни.

Вскоре появился Сяо Цзюньгу — безупречный костюм, отличный вид, светские манеры. Разумеется, он сразу стал центром внимания.